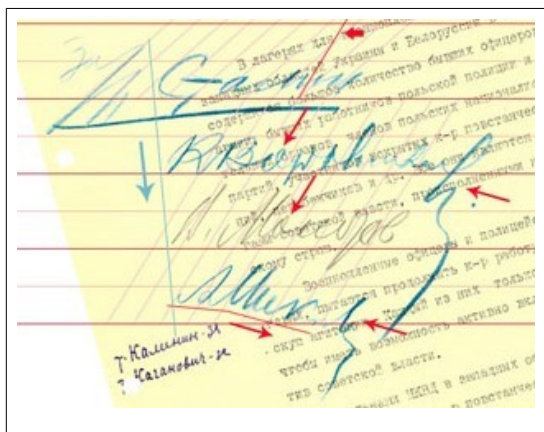

2. Правовая фальсификация Катынского дела

Дм. Добров • 2010 г.

Катынский расстрел. Ложь и правда

1. Эксгумации Катынских трупов
2. Правовая фальсификация Катынского дела
 - Вброс фальсифицированных документов
 - Фальсификация подписей членов Политбюро на записке Берии № 794/Б
 - Фальсификация прочих документов т.н. Пакета № 1
 - Участие в фальсификации Катынского дела Главной военной прокуратуры
 - Фальсификация прокуратурой свидетельских показаний по Катынскому делу
3. Положение поляков в лагерях и их судьба
4. Господин товарищ Лряпкин
5. Новое исследование записки Берии № 794/Б
6. Катынская трагедия и лженаука

Рассмотренные ниже материалы фальсификации Катынского дела позволяют утверждать, что фальсификация была проведена силами преступного сообщества, т.е. объединения нескольких организованных преступных групп. Одна преступная группа из числа «ученых» политиков обеспечила подделку документов т.н. Пакета № 1, подбросила их в архивы или лишь подала вид обнаружения их в архивах и далее ввела их в научный оборот. Вторая группа из числа работников Главной военной прокуратуры обеспечила фальсификацию доказательств по уголовному делу № 159, заведенному по приказу Горбачева. И третья преступная группа осуществляла, вероятно, общее руководство первыми двумя и прикрытие их на уровне высшей государственной

власти — Политбюро ЦК КПСС и даже руководства уже новой России. Да, поверить в это трудно, но никто и не призывает *верить* — следует не верить, а рассмотреть факты по делу и дать им оценку.

Вброс фальсифицированных документов

Как я уже сообщил выше, три первых очевидца «исторических» документов, подтверждающих вину советской власти в Катынском расстреле, описали их как совершенно различный набор, не похожий к тому же на опубликованный, причем это были отнюдь не пьяные дворники или забуревшие канцелярские крысы, а люди, занимавшие очень высокое общественное положение.

Вот как описал исторический миг обретения «правды» М.С. Горбачев:

Что касается других документов, относящихся к катынской трагедии, то я помню о двух папках, которые показывал мне Болдин еще накануне моего визита в Польшу. Но в них была документация, подтверждающая версию комиссии академика Бурденко. Это был набор разрозненных материалов, и все под ту версию. На подлинный документ, который прямо свидетельствовал бы об истинных виновниках катынской трагедии, мы вышли только в

декабре 1991 года, по сути дела, за несколько дней до моей отставки с поста Президента СССР. Именно тогда работники архива через Ревенко — руководителя аппарата президента — добивались, чтобы я обязательно ознакомился с содержимым одной папки, хранившейся в особом архиве. Печатался проект моего последнего выступления в качестве президента. Этими и другими делами я был занят целиком.

Тем не менее Ревенко продолжал настаивать и вручил мне папку накануне встречи с Ельциным, в ходе которой было условлено передать ему дела. Я вскрыл папку, в ней оказалась записка Берии о польских военнослужащих и представителях других сословий польского общества, которых органы содержат в нескольких лагерях. Записка заканчивалась предложением о физическом уничтожении всех интернированных поляков. **Эта последняя ее часть отчеркнута, а сверху написано синим карандашом Сталина: «Постановление Политбюро». И подписи: «За — Сталин, Молотов, Ворошилов...»**

[...]

В папке находилась и другая бумага, написанная от руки и подписанная Шелепиным в бытность его председателем КГБ. В обращении на имя Хрущева он предлагал ликвидировать все документы, связанные с действиями НКВД по уничтожению польских военнослужащих, поскольку-де уже принята и утвердилась версия комиссии академика Бурденко.

М.С. Горбачев. Жизнь и реформы. Книга 2. Глава 32. Войцех Ярузельский — союзник и единомышленник.

Стало быть, документы нарисовались не ранее декабря 1991 года. На той записке Берии, которую мы имеем счастье нынче исследовать, нет надписи синим карандашом Сталина «Постановление Политбюро», да и подписи идут в ином порядке: Сталин, Ворошилов, Молотов... Невозможно, согласитесь, предположить, что М.С. перепутал надпись «О.П. Вопрос НКВД СССР», под которой нет никаких подписей, с надписью «Постановление Политбюро», за которой идут подписи членов Политбюро во главе со Сталиным, ведь форму другого документа пакета, записку Шелепина, он описал точно. Горбачев видел шизофреническую версию письма Берии, несколько потом поправленную, ведь документы, переданные Ельцину в декабре 1991 г., необъяснимым образом задержались у него:

Обо всем этом я рассказывал польским журналистам в 1992 году после того, как уже почти под занавес процесса по делу КПСС в Конституционном суде РФ президентская команда вдруг сочла «своевременным» предъявить документ по Катыни суду и передать копию польской стороне, заявив, что этот документ Горбачев скрыл от поляков. Польские журналисты спрашивали: почему так долго этот документ лежал у Ельцина и почему я, встречаясь с Валенсой, не сказал ему, что такое свидетельство имеется? Но именно такой вопрос возникал у меня самого: почему Ельцин не использовал свою официальную встречу с Президентом Польши, чтобы передать ему документы, касающиеся трагедии в Катынском лесу? Ведь между нами была договоренность о том, что передача документа полякам — компетенция Президента России.

Там же.

А.Н. Яковлев, участник великой встречи по передаче «исторической правды» Ельцину, находившийся рядом с М.С. Горбачевым, описывает тем не менее совсем иные документы:

И вот в декабре 1991 года Горбачев в моем присутствии передал Ельцину пакет со всеми документами по Катыни. Когда конверт был вскрыт, там оказались **записки Шелепина, Серова и материалы о расстреле польских военнослужащих и гражданских лиц, особенно из интеллигенции (более 22 тысяч человек)**. Михаил Сергеевич сидел с каменным лицом, как будто ничего и никогда не говорилось по этому поводу.

[А.Н. Яковлев. Сумерки России](#)

В пакете документов, который мы знаем, нет никакой записки Серова и никогда не было, а также нет и не было никаких «материалов» о «расстреле гражданских лиц, особенно из интеллигенции». Числа «более 22 тысяч человек» в известных нам документах тоже нет.

Третий очевидец, Д.А. Волкогонов, описывает уже новый набор все тех же документов и новый образ их появления:

На счету «ленинского Политбюро» под руководством Сталина множество преступлений. Но есть одно, которое особо выделяется своим изуверством, цинизмом и жестокостью. Речь идет о решении Политбюро от 5 марта 1940 года. Приведу в сокращении этот документ. У меня с ним связаны особые воспоминания, ибо **именно мне и еще трем членам президентской комиссии удалось отыскать в залежах цековских сверхсекретных архивов этот потрясающий до ужаса документ**. Приведу лишь часть его.

«1. Предложить НКВД СССР

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек — бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек — членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

П. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...» [ссылка: Протокол Политбюро от 5 марта 1940 г. № П13/144.]

Прочитав десятки страниц этого дела, хранившегося в «Особой папке» [сноска: «Особые папки» были только в архиве Политбюро. Я вынужден, в ряде случаев, пользоваться такими сносками потому, что пока эти документы еще не «фондированы», т.е. не зарегистрированы в обычном архивном порядке.] архива Политбюро, я действительно испытал потрясение. Это были даже не «военнопленные». Ведь Польша не вела с нами войну в 1939 году... Мысль спотыкалась на словах: к «высшей мере наказания»... Наказание — за что? «Ответы» Политбюро чудовищны по своей бессмыслице и жестокости.

Я не мистик, но почему-то бросились в глаза детали: протокол № 13 от 5 марта 1940 года. Ровно через 13 лет, именно 5 марта, не станет самого кровавого ленинца. Стенограммы обсуждения вопроса о расстреле поляков не существует. Вопрос решался устно, вербально. Но выдержку из постановления Политбюро я в книге привел. Стоит добавить, что, хотя советская сторона до конца пыталась скрыть злодеяния Сталина, Берия и других большевистских руководителей, с документами о расстреле поляков были знакомы все основные лидеры СССР. Например, Хрущев ознакомился с делом в марте 1959 года, Андропов — в апреле 1981 года. Были эти документы и у помощников Горбачева (в частности, у В.И.Болдина) в апреле 1989 года, видимо, для ознакомления генсека. И тем не менее все утверждали, что документов этих не существует...

Имеется около десятка различных постановлений Политбюро, начиная с 1971 года, направленных на то, как скрыть, закамуфлировать дикое преступление. К этому сокрытию причастны Брежнев, Андропов, Черненко, Громыко и другие партийные бонзы, в том числе и некоторые здравствующие поныне.

Добавлю, что личным решением Сталина осуществление чудовищной «миссии» по реализации решения Политбюро было возложено на Меркулова, Кобулова, Баштакова (начальника 1-го спецотдела НКВД СССР). Возможно, это одно из самых страшных решений высшей партийной коллегии.

Д. Волкогонов. Ленин. Книга II. Вожди. М., 1999.

Здесь видим откровенную ложь: в представленной нам худенькой папочке не было «десятков страниц», и никаких коварных постановлений Политбюро, направленных на сокрытие архивной тайны, никто никогда не видел. Публичная ложь обычно, если лжет не мудрый отец народа в высших своих целях, представляет собой психические отклонения лгущего, например бредовую систему. Это очень нехорошо, особенно вкупе с убеждением, что особые папки не «фондированы», которое действительности не соответствует. Отсюда можно допустить, что Волгогонов причастен к фальсификации документов по Катынскому делу: как и не известный нам пока фальсификатор, Волгогонов ни малейшего представления не имел об особой папке и молот чужь: «особая папка» — это гриф вроде «совершенно секретно», а не тайное хранилище вне архива; все документы с грифом «особая папка» были, разумеется, «фондированы» в архиве ЦК, т.е. содержались в порядке, как и документы с грифом «совершенно секретно», и любые иные.

Как это ни поразительно, правдивость слов Волгогонова подтверждают некоторые прочие сторонники Ельцина:

В июле 1992 г. в Архиве Президента РФ тогдашний руководитель президентской администрации **Ю.В. Петров**, советник Президента **Д.А. Волгогонов**, главный архивист РФ **Р.Г. Пихоя** и директор архива **А.В. Коротков** просматривали его совершенно секретные материалы. 24 сентября они вскрыли «особый пакет № 1». Как рассказал Коротков, «документы оказались настолько серьезными, что их доложили Борису Николаевичу Ельцину. Реакция Президента была быстрой: он немедленно распорядился, чтобы Рудольф Пихоя как главный государственный архивист России вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе. Затем мы передали копии в Конституционный суд, Генеральную прокуратуру и общественности».

Когда Р.Г. Пихоя привез 14 октября 1992 г. в Варшаву документы из «пакета № 1» и старался там объяснить, почему они так долго были запрятаны в тайниках власти, он подчеркнул следующее: это было преступление политического характера...

Катынский синдром, гл. 6.

Здесь вызывает подозрения и Коротков, который явно привирает, что «реакция президента была быстрой»: торопиться в данном случае было некуда — торопиться мог лишь фальсификатор, передать свою работу хозяину, полякам, да и Борис Николаевич «быстрыми реакциями» вообще не отличался — мог проспать даже важнейшее международное мероприятие.

Если вы вдруг решили уже, что Михаил Сергеевич способен был на бесчестный поступок, то поспешу вас успокоить: его слова подтверждаются пакетом, в котором находились фальсифицированные документы, см. документы, включая пакет [\[1\]](#). На «пакете № 1» стоит печать «для пакетов» аппарата президента СССР и дата 24 декабря 1991, т.е. за день до отставки Горбачева, причем нынешние опубликованные документы на пакете перечислены точно.

Спрашивается, каким же образом одновременно возможны две совершенно разные версии происхождения очень неопределенного набора документов по Катынскому делу, причем обе подтвержденные в той или иной степени? Нормально ли это? Не отдает ли психическим заболеванием по имени шизофрения? Может быть, забуревшие крысы канцелярские немного перестарались? Нет?

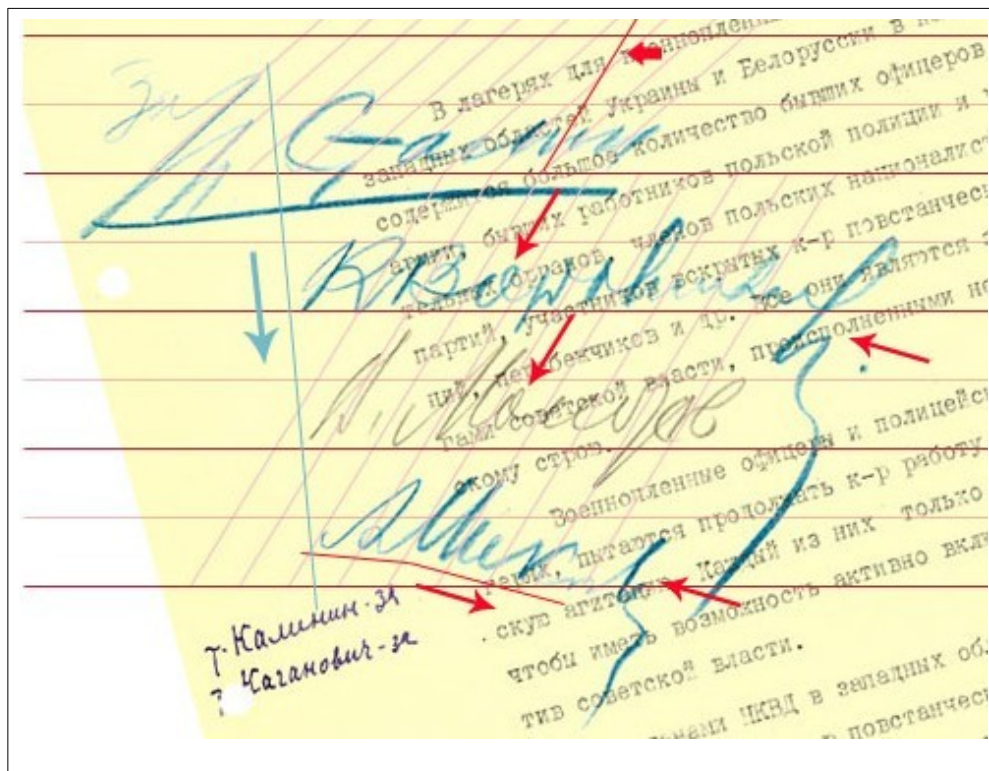
Объяснение случившемуся я могу предложить. Вероятно, Борис Николаевич был в конце 1991 года очень сильно загружен работой, поэтому полученную от Михаила Сергеевича папочку с фальшивыми документами он куда-то сунул, даже не просмотрев, и забыл о ней навсегда. Ну, что тут делать? Канцелярские сварганили документы снова и доложили Борису Николаевичу о находке уже «в архивах» самим Волгогоновым... На сей раз, впрочем, документы в руки Борису Николаевичу не дали из-за его загруженности работой, а сразу с его согласия отправили в Польшу, откуда, вероятно, грязные эти делишки и оплачены были.

Даже при весьма критическом отношении к Ельцину с учетом его главного недостатка, пьянства даже в патологической форме, я не могу допустить, что он намеренно пошел на государственный подлог в пользу Польши с целью обеспечить полякам контрибуцию с России. Я не верю, что он был на это способен. Это немыслимо вообще и в частности даже унижительно — шпионаж в пользу Польши, причем за любые деньги. Не верю я и в то, что на это мог пойти Горбачев или, положим, Яковлев.

Ельцина очень многие справедливо критиковали, справедливо ругали и даже справедливо материли, но все же, хотя бы и отматерив его хорошенько, каждый вынужден будет признать: совесть-то у него была. При всех своих недостатках он нашел в себе силы уйти от власти сам и даже публично извинился перед всеми, перед народом. Негодяй бы так никогда не поступил — даже бы и в голову не пришло.

Фальсификация подписей членов Политбюро на записке Берии № 794/Б

Посмотрим теперь на представленные «документы», фальсифицированные неким шизофреником. Письмо Берии Сталину за № 794/Б, где содержится предложение расстрелять поляков, снабжено фальшивыми подписями членов Политбюро. Что любопытно, при первом же взгляде на подписи сразу же в глаза бросается, что все они последовательно нанесены одним человеком:

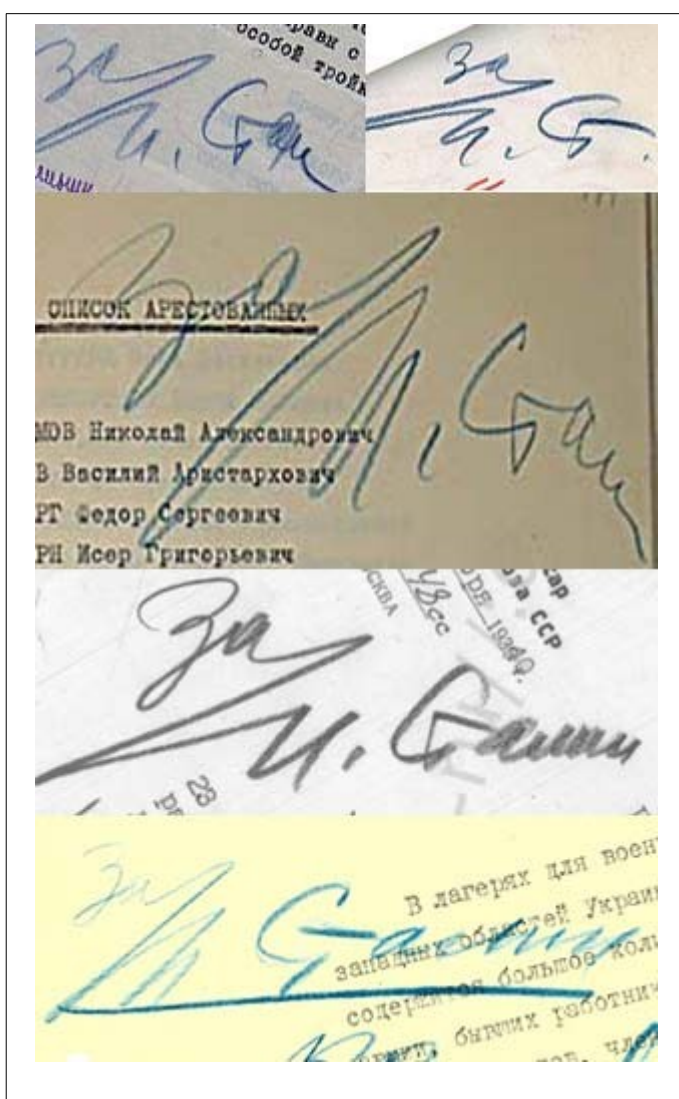
Отметим по пунктам признаки того, что этот текст создан одним человеком, который просто менял почерк под каждую подпись, но общие свойства своего почерка неосознанно сохранил, рефлексно:

1. Почти весь текст выполнен с единым наклоном, что очень хорошо видно по нанесенной сетке. Даже буква И в слове «Сталин» имеет тот же наклон, хотя остальные буквы в том же слове гораздо сильнее наклонены вправо.
2. Почти весь текст выполнен с единым межстрочным интервалом, только на последней подписи (Микояна) фальсификатор почувствовал, что получается очень уж ровно, и решил немного иначе направить подпись, но тоже неосознанно уложился в межстрочный интервал. На рисунке показано, как сломалась подпись Микояна, изменила направление в результате неосознанных усилий фальсификатора направить ее вниз, вразрез с предыдущими. Несмотря на его усилия, наклон букв в подписи Микояна остался тем же, что и выше.
3. Весь текст выполнен с единым отступом от условного левого края, определенного первой подписью. Текст четко выровнен по линии, так как каждый раз фальсификатор неосознанно делал один и тот же отступ.
4. Во всем тексте вертикальный штрих заметно сильнее, выполнен с нажимом. Исключение составляет только переключатель буквы Т в первой подписи и подчеркивание этой подписи.
5. Размеры строчных букв во всех подписях очень близки, несмотря даже на усилия фальсификатора.

6. Подписи Ворошилова и Микояна, соответственно вторая и четвертая сверху, выполнены с единообразным окончанием — буквой В с падающим завитком. И это несмотря на то, что фамилия Микоян кончается буквой Н. Разумеется, Микоян не мог написать свою фамилию неправильно.
7. Буква М в подписях Молотова и Микояна, соответственно третьей и четвертой сверху, выполнена единообразно — с нажимом на левом внутреннем ее плече и правом внешнем.
8. Первая буква О в подписях Ворошилова и Молотова, соответственно второй и третьей сверху, выполнена единообразно — с разрывом вверху и одинаково исполненным соединительным завитком, что не соответствует ни действительной подписи Ворошилова, ни действительной подписи Молотова. Это почерк фальсификатора.

Да, с точки зрения обывательской подписи сделаны неплохо, «похоже», но с точки зрения почерковедения это полный абсурд: человек, имевший хотя бы малейшее представление об исследованиях почерка, такую чушь никогда бы не спорол. Можно заключить совершенно точно, со стопроцентной уверенностью, что ни единый профессионал, например из спецслужб, знающий, как подделать подпись, к этой шизофренической бумажке не причастен.

Рассмотрим теперь подписи по одной, сравнивая их с подлинными. Начнем с первой — подписи Сталина.

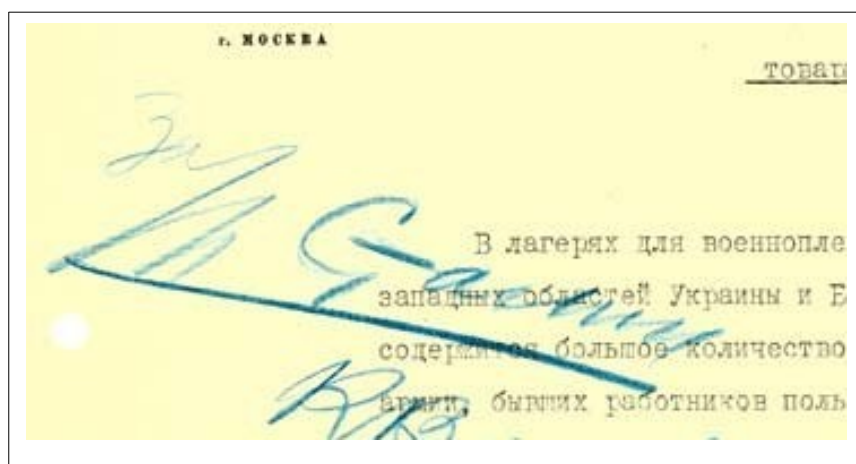

На рисунке фальшивая подпись Сталина — из разбираемого пакета документов — находится внизу. Отметим различия ее с подлинными по пунктам.

1. Букву Т Сталин в своей фамилии никогда не писал так, как она написана в фальшивой подписи — с отрывом карандаша от бумаги. Везде букву Т Сталин писал не отрывая карандаша от бумаги,

иногда лишь с ослабленным нажимом. Можно, впрочем, встретить подписи, где карандаш случайно отрывается от бумаги при написании буквы Т в связи с быстротой исполнения подписи, но связь между вертикальной и горизонтальной палочками у Сталина намечена всегда, это рефлекс письма.

2. У фальсификатора совсем не вышла буква И перед словом «Сталин»: она не читается, написана, как строчная буква П, хотя у Сталина даже в страшных каракулях, на третьем снизу автографе, ее можно принять за И. Обычно у Сталина есть хоть небольшой хвостик у правого плеча данной буквы или хотя бы небольшое отклонение правого плеча вправо от оси буквы, как на двух верхних рисунках. Вообще говоря, у Сталина есть то или иное графическое завершение буквы И перед фамилией, а у фальсификатора нет на него даже намека.
3. В действительной подписи Сталина всегда стоит точка после буквы И, расположенной перед фамилией, а у фальсификатора этой точки нет.
4. Совсем не получилось у фальсификатора слово «Сталин»: посмотрите, какие резкие угловатые буквы в фальшивой подписи; ничего подобного в действительных автографах Сталина нет. Особенно неуклюже вышло у фальсификатора сочетание «лин» — с разным наклоном букв: у Л и Н один наклон, а у И другой, см. рисунок всего текста выше.
5. Слово «За» написано прямо в строку или почти прямо, см. рис. под данным абзацем, а дальнейшее неуклюже падает вниз, причем наклон букв после черты точно соответствует наклону черты, см. рисунок всего текста выше, т.е. в зависимости от черты изменился наклон букв. Иначе говоря, не писавший вел подпись, а она его. У Сталина черта не гармонирует с подписью, не образует со словами нечто целое, а напротив — разделяет их, очень четко или не столь четко, но разделяет, в том числе выделяясь размером своим. А на фальшивой подписи высота разделительной черты лишь немного больше высоты заглавной буквы в слове «Сталин» и приблизительно равна высоте сочетания «Ст», т.е. разделения нет — есть продолжение черты. Эта неуклюжесть следствие неотработанного написания сложной фигуры «За/И. Сталин».

6. Стоит еще заметить, что Сталин расписывался скупой: часто стоит даже неполная подпись — «И. Ст.», причем подчеркивал он свою подпись редко, только в том случае, если писал в строку: «Утвердить. Ст.», т.е. подчеркивал-то не подпись, а вывод, ключевое слово резолюции, которое в разбираемом автографе уже подчеркнуто чертой, следующей за словом «За». Фальсификатор подчеркнул подпись для отвлечения внимания, переноса акцента, так как подделка вышла из рук вон плохо — совсем не похоже на подпись Сталина.

Посмотрим теперь на следующую по порядку подпись — Ворошилова.

На рисунке фальшивая подпись Ворошилова расположена внизу.

1. Фигурная буква Р, как в фальшивой подписи, с игривым уголком внизу, у Ворошилова не встречается.
2. Ворошилов иначе писал букву В: она у него с пузом, выдающимся вперед, а у фальсификатора никакого пуза нет или почти совсем нет, т.е. буква смотрится не искаженной. Впрочем, у Ворошилова можно встретить букву В почти без пуза, но все же приведенное написание характерно.
3. Буква О, расположенная между В и Р, в сочетании «Вор», у Ворошилова имеет очень низкий соединительный хвостик, даже напоминает букву А, а у фальсификатора соединительный хвостик этой буквы расположен гораздо выше, более или менее нормально.
4. Верхний хвостик буквы К у фальсификатора заметно больше, чем у Ворошилова в двух приведенных случаях, но это у Ворошилова несколько разнообразно.
5. После характерного первого длинного хвостика буквы Ш высота букв или просто штрихов у фальсификатора заметно уменьшается, хотя у Ворошилова этого нет, да и высота характерного хвостика относительно букв у Ворошилова заметно меньше.
6. В конце подписи у фальсификатора заметно уменьшается ширина букв (штрихов), а у Ворошилова этого нет.
7. Вообще, у Ворошилова почерк более убористый, плотный, чем у фальсификатора. Именно из-за этого нет даже общего сходства фальсифицированной подписи Ворошилова с подлинными: если бы была фальсификатором написана иная фамилия тем же его почерком, то с подписью Ворошилова она бы уже никакого сходства не имела. Занятно также, что в фальсифицированной подписи Ворошилова конец тоже скомкан — как в фальсифицированной подписи Сталина.

Следующей по порядку на фальсифицированном письме Берии идет подпись Молотова.

Внизу рисунка помещена фальсифицированная подпись Молотова.

1. У Молотова буква М очень убористая, а у фальсификатора левая ее половина сойдет даже за Л. Также нижний зуб буквы М у Молотова заметно более скруглен, чем у фальсификатора, а на левом внешнем ее плече и правом внутреннем нажим сильнее, чем у фальсификатора.
2. Стойка буквы В у фальсификатора заметно искривлена, а у Молотова она прямая или почти прямая. Это значит невыработанное движение фальсификатора, не рефлексное.
3. В фальшивой и подлинных подписях по-разному написана буква О: у Молотова в двух случаях перечеркивающий букву соединительный хвостик начинается ниже середины, а у фальсификатора — выше.

4. Сложное сочетание «то» в фамилии Молотов фальсификатор в отличие от Молотова не смог выполнить без отрыва карандаша от бумаги: линии на верхнем и нижнем краю буквы О, находящейся перед конечной В, разомкнуты — левый полукруг ее был дорисован потом, другим движением. У Молотова на второй сверху подписи полукруг в той же букве О тоже кажется пририсованным другим движением, но пририсован он с иной стороны, справа, а не слева, как у фальсификатора. Также и сложная в написании Молотова буква Т у фальсификатора не вполне вышла — с сильным закруглением наверху, хотя у Молотова этот фрагмент далеко не так скруглен, даже коряв.
5. Вообще, почерк у фальсификатора выработан лучше, чем у Молотова: ему не удалось изобразить некоторую общую корявость подписи Молотова; линии у него плавно скругляются и переходят одна в другую.

И последней на фальсифицированном письме идет подпись Микояна.

Фальсифицированная подпись Микояна расположена внизу рисунка.

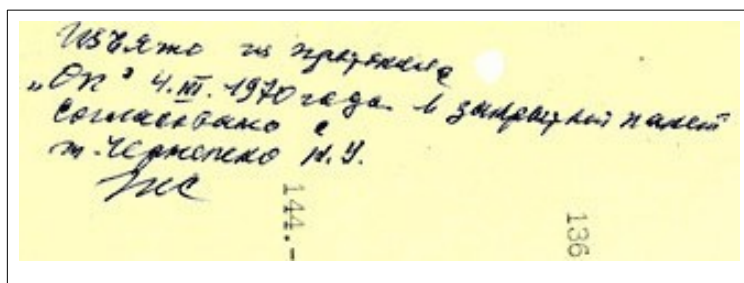
1. Как это ни поразительно, окончание подписи Микояна буквой В не соответствует фамилии *Микоян*.
2. Наклон букв вправо у Микояна заметно более силен, чем у фальсификатора.
3. Завиток нижнего хвостика буквы К у фальсификатора исполнен горизонтально, а у Микояна он вертикальный. Кроме того, этот завиток у фальсификатора выполнен с очень слабым нажимом.
4. Буква А у фальсификатора несколько искривлена, раздулась, что говорит о неуверенности движений, отсутствии рефлекса. Подобное было также в первой букве подписи В. Молотова.
5. Почерк Микояна более коряв, чем почерк фальсификатора: опять видим у фальсификатора более плавные линии, полное неумение имитировать корявый почерк.

Из рассмотрения фальсифицированной подписи Микояна заключаем, что поддельные подписи исполнял сам автор фальсифицированных документов — шизофреник: нормальный человек, прежде чем копировать подпись Микояна, все же внимательно бы с ней ознакомился, но шизофреник мог обойтись и без этого, более того, мог решить, что он лучше знает, как должен был расписываться Микоян.

Приведенных рассуждений вполне достаточно для заключения о подложности главного документа пакета, но нам важно еще установить, что все это сляпал один человек, обладавший психическими отклонениями шизофренического свойства. Поэтому посмотрим на пакет документов несколько подробнее (ссылка на опубликованные в интернете документы выше, напомню).

Фальсификация прочих документов т.н. Пакета № 1

Посмотрим теперь на шизофренические выверты в самом пакете документов. Вот весьма любопытная запись нашего шизофреника на листах якобы протокола заседания Политбюро (запись идет на левом поле документа снизу вверх, вдоль листа):

Здесь написано: «Изъято из протокола "ОП" 4.ИИ.1970 года в закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К.У.». Безотносительно к тексту документа возникает вопрос: что такое «протокол "ОП"»? Как понять сочетание «протокол особой папки»? Протокол папки? Не слишком ли хитро даже для шизофреника? Голос комода? Протокол может быть заседания или слушания, но не папки же, если протокол есть

записанные речи выступающих или перечень фактов? Или, может быть, речь идет о некоем протоколе под названием «ОП»? Нет, ОП значит особая папка, да и протоколам не присваивают собственные имена. Вы скажете, что в словосочетание особая папка вложен иной смысл, нам не понятный? Согласен, это типичная шизофреническая черта. Приведенная запись имеет смысл только с точки зрения создавшего ее шизофреника. Человеку в своем уме не ясно, откуда именно изъяты машинописные листы, на которых красуется приведенная запись, а если не ясно, то с какой же целью сделана приведенная запись? Да и цель изъятия не ясна: если уж изъято даже из-под грифа «особая папка», то почему не уничтожено, а сохранено в «закрытом пакете»? Чтобы продать его полякам?

«Особая папка» — это гриф хранения документов, а здесь сочетание «ОП» приравнено к словосочетанию *заседание Политбюро*, протокол которого, заметим, вполне уместен. И в шизофреническом пакете мы видим подтверждение сделанному предположению: вопрос о поляках в шизофренической фальшивке действительно был вынесен на рассмотрение Политбюро, т.е. ОП в представлении шизофреника нашего.

Шизофренические выверты находим и в письме Берии Сталину в ЦК за № 794/Б, где сначала указано одно число врагов советской власти, а расстрелять ниже предлагается совсем другое:

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) — **14.736** бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков - по национальности свыше 97% поляки.

[...]

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится **18.632** арестованных (из них **10.685** поляки), в том числе:

[...]

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о **находящихся в лагерях военнопленных 14.700 человек** бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об **арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек** членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков —

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

Возникает вопрос, каким путем получены числа 14 700 и 11 000, если ранее стоят 14 736 и 18 632 (из них 10 685 поляки)? По какой причине произведено округление или, может быть, иное действие? Каким образом приведенные числа следуют друг из друга? А ведь связь указана в тексте: «Исходя из того, что все они», т.е. 14 736 человек и 18 632 (из них 10 685 поляки), «являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым» дела 14 700 и 11 000 человек рассмотреть в особом порядке. Позвольте, если все они являлись закоренелыми врагами советской власти, то не логично ли было предложить к рассмотрению дела всех их, а не только избранных по неизвестному правилу? Нет, для шизофреника логично было именно написанное. Дело в том, что с объективной точки зрения поступки выраженного шизофреника бывают не мотивированы и часто даже поняты быть не могут, если сам он не объяснит, отчего судебные эксперты очень часто признают шизофреников невменяемыми — в советское время почти всегда, сейчас реже, суды сажают их иной раз даже без принудительного лечения, что в советское время было совершенно немыслимо: в «литературе» были даже предложения признавать шизофреников невменяемыми в неукоснительном порядке, только по болезни, без т.н. психологического критерия невменяемости. В общем случае шизофрения — это самый тяжелый и самый страшный психоз из всех известных, хотя, справедливости ради следует добавить, шизофреник, избравший антисоциальную адаптацию (нормально адаптироваться они часто не способны), бывает гораздо умнее и, главное, изворотливее многих здоровых людей.

В данном случае я понимаю мотивы шизофреника, указавшего в записке разные числа — второй раз «округленно», как выразился какой-то либеральный балбес. Дело в том, что в опубликованных по делу

документах НКВД царит неразбериха, трудно понять, сколько именно польских пленнх было в СССР, ибо от документа к документу числа меняются. Шизофреник наш просто решил отразить эту правдоподобную черту — да, в одном документе, а не в разных (впрочем, в фальсифицированной записке Шелепину Хрущеву указаны другие числа). Увы, в основе своей шизофрения — это очень тяжелые отклонения, в т.ч. интеллекта. При слабых поражениях, относительно вялом течении шизофренического процесса, логичное мышление пропадает в той или иной степени, уступая место ассоциациям, установлению произвольной связи между объектами мышления, что очень хорошо видно, например, в разбираемом случае: у НКВД неразбериха с числом пленнх — и мы тоже сделаем неразбериху. Вывода здесь нет, он гасится, вероятно, за счет лабильности (хаотичности) процесса торможения, лежащего в основании умеренных такого рода поражений, как полагал И.П. Павлов. Далее же в рефлексной деятельности наступает хаос, потом возможно ее прекращение, возможна утрата даже безусловных рефлексов, «инстинктов». При ее завершении шизофрения — это одна из самых страшных болезней. К счастью, завершение наступает не всегда, возможны ремиссии — временные и даже полные, в том числе спонтанные.

Стоит отметить также грамматическую неразбериху в приведенной выдержке: «рассмотреть [дела] в особом порядке, с применением к ним [к делам?] высшей меры наказания — расстрела». — Нормальные люди так не пишут.

Удивление в разбираемом документе вызывают также разные отступы и разные интервалы между абзацами — равные межстрочным или чуть более. Кроме того в записке использованы разные маркеры абзацев одного уровня: сначала цифры — 1), а потом буквы — а). Нормальные люди так не делают.

Шизофренический характер указанное письмо Берии носит и с точки зрения «генеральной линии партии» того времени. В письме Берия предлагает Сталину организовать для расстрела поляков судебную тройку НКВД, но в вышедшем незадолго до того Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) № П65/116 от 17 ноября 1938 года сказано, в частности, следующее:

2. Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских Управлениях РК милиции.

Впредь все дела в точном соответствии с действующими законами о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого Совещания при НКВД СССР.

[...]

СНК СССР и ЦК ВКП(б) предупреждают всех работников НКВД и Прокуратуры, что за малейшее нарушение советских законов и директив Партии и Правительства каждый работник НКВД и Прокуратуры, не взирая на лица, будет привлекаться к суровой судебной ответственности.

[АП РФ, ф. 3, оп. 58, д. 6, л. 85-87.](#)

Ну? Неужели тов. Берия позабыл о трагической судьбе своего предшественника тов. Ежова, которого, «не взирая на лица», расстреляли как врага народа в том числе за организацию судебных троек? Мне кажется, весной 1940 года послать Сталину в ЦК предложение об организации судебной тройки НКВД способен был даже не шизофреник, а только благополучный идиот в клиническом смысле. — Письмо Берии вообще никакого отношения к действительности не имеет.

Еще одна любопытная черта письма Берии за № 794/Б была отмечена исследователями этой фальсификации:

В настоящее время авторами доказано, что «записку Берии № 794/Б» следует датировать 29 февраля 1940 г. Основанием для этого послужили предыдущая и последующая за письмом «№ 794/Б» корреспонденции, отправленные из секретариата НКВД в феврале 1940 г. В 2004 г. в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в рабочих материалах Политбюро ЦК ВКП(б) было выявлено письмо Л.П. Берия с исходящим номером «№793/б» от 29 февраля 1940 г. (РГАСПИ, ф.17, оп.166, д.621, лл.86-90).

Два последующих письма — «№795/б» «Товарищу Сталину. О ходе работы известных авиаконструкторов по постройке самолетов» и «№796/б» были зарегистрированы в секретариате Наркома внутренних дел СССР также 29 февраля 1940 г. Об этом сообщается в

ответах №10/А-1804 от 31.12.2005 и 10/А-120 от 19.01.2006 г. за подписью начальника Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ генерал-майора В.С. Христофорова на запросы депутата Государственной Думы Андрея Савельева.

Естественно, записка Берии с исходящим номером 794/Б могла быть подписана и зарегистрирована в секретариате НКВД СССР только 29 февраля 1940 г. Однако в ней фигурируют уточненные статистические данные о численности военнопленных офицеров в спецлагерях УПВ (Управления по делам военнопленных) НКВД, которые поступили в Москву — внимание! — в ночь со 2 на 3 марта и были оформлены начальником УПВ НКВД П.К. Сопруненко в виде «Контрольной справки» только 3 марта 1940 г. (Катынь. Пленники. С. 430). Попастъ в текст документа, зарегистрированного 29 февраля 1940 г., эти данные не могли.

[В. Швед. Тайна Катыни. М.: Алгоритм, 2007, стр. 154 — 155.](#)

Я не понимаю, почему у осведомленного В.С. Христофорова, имеющего, надо полагать, журнал регистрации исходящих писем Берии, не спросить было прямо о письме за № 794/Б? В журнал регистрации исходящей корреспонденции регистратор вносит обычно дату письма, проставленную автором, номер его, номер дела, коли есть такой, указывает адресата, тему письма, автора письма и отмечает исполнение, например «отправлено фельдсвязью». Это совершенно стандартная процедура при делопроизводстве, известна она каждому, кто имел дело с классическим бюрократизмом (пособие по делопроизводству наверняка найдется в интернете).

Если на письме нет точной даты, как на фальсифицированном письме Берии, то не будет ее и в журнале регистрации: регистратору просто нечего будет указать в соответствующей графе, где обычно ставятся вместе дата и номер письма. Этот пробел мог восполнить только сам Берия. Поэтому если в журнале регистрации исходящих писем Берии окажется точная дата письма за № 794/Б, любая, представленное нам письмо уже на данном основании можно будет считать недействительным, поддельным, т.е. иным, не тем, которое было зарегистрировано. Утверждать же, что письмо без даты было зарегистрировано именно 29 февраля, невозможно: регистратор обычно не ставит дату регистрации (это никому не нужно и только засоряло бы документы) — только дату письма, которая, конечно, имеет значение. Дата же регистрации косвенно может содержаться лишь в графе «Исполнение» — если там указано, когда было отправлено письмо. Но письмо Берии не было отправлено в ЦК, так как на нем нет штампа регистрации его как входящего документа. Такое могло быть, если Берия отправил письмо не обычным порядком, через регистрацию, а лично принес его в кабинет Сталина. Да, но на письме стоит регистрационный номер... Ну, можно допустить, что Берия зарегистрировал письмо и сам отнес его Сталину. В таком случае в графе «Исполнение» должно стоять «доставлено лично» или что-нибудь вроде того. Странно, что Берия не забыл зарегистрировать письмо, но забыл поставить дату: при регистрации, конечно, возник бы вопрос, какую поставить дату.

Скорее всего, в журнале регистрации писем Берии написано что-нибудь совсем отвлеченное, например: «29.02.1940 № 794/Б — письмо т. Берии тт. Жарову и Кайдан-Дешкину, авторам песни «Взвейтесь кострами, синие ночи...», с предложением написать бодрую песню для спортивного общества «Динамо» — 2 экз. отправлено по почте».

Казалось бы, если имеются письма за №№ 793/б, 795/б и 796/б, датированные 29 февраля, то можно утверждать, что письмо № 794/Б датировано тем же днем, но ведь на этом письме нет даты... Формально тут ничего утверждать нельзя — можно лишь допустить, что дата 29 февраля для письма за № 794/Б логична.

Если вообразить письмо за № 794/Б подлинным, то Берия не мог написать его ранее 5 марта 1940 года, так как помянутый в тексте письма как начальник 1-го спецотдела НКВД Л.Ф. Баштаков стал таковым только 5 марта 1940 г., причем приказ о его назначении подписать должен был сам Берия. Вот для сведения выдержка из книги о руководстве НКВД:

**Самостоятельные оперативно-чекистские отделы НКВД СССР
1-й спец. отдел (оперативный учет, регистрация и статистика)**

Шапиро И.И. 29.09.38 – 13.11.38

Петров Г.А. 22.12.38 – 30.11.39

Баштаков Л.Ф. 05.03.40 – 26.02.41

Если бы письмо было написано ранее 5 марта и приказ о назначении Баштакова уже был подписан, то нормальный бы человек, не шизофреник, написал: ...*Баштакова, назначенного начальником 1-го спецотдела с 5 марта с.г.* Если же приказа еще не было, то Баштаков назван бы был заместителем начальника 1-го спецотдела, каковым он являлся до 5 марта 1940 г.

Судя по тому, что на письме Берии нет штампа регистрации его как входящего документа в аппарате ЦК, доставлено оно было Берией лично в кабинет Сталина, т.е. 5 марта 1940 года, поскольку, как утверждают сторонники нацистов, историческое заседание Политбюро, приговорившее поляков к смерти, состоялось именно 5 марта, что отмечено даже в фальсифицированных документах. Беда для гитлеровцев, однако же, в том, что 5 марта 1940 года Берия не мог доставить письмо в кабинет Сталина, так как в этот день он не был в кабинете Сталина, см. журнал регистрации посетителей Сталина [2]: первый раз в марте месяце Берия посетил кабинет Сталина только седьмого числа. Не было у Сталина 5 марта и Микояна, который подписал письмо Берии синим карандашом Сталина. Молотов же был у Сталина 5 марта, но подписал письмо Берии почему-то иным карандашом, простым, хотя все прочие подписи выполнены синим карандашом, в том числе подпись Ворошилова, который тоже присутствовал 5 марта в кабинете Сталина.

Надо заметить, что журнал посещений Сталина должны были вести очень аккуратно: это была не блажь, а общепринятая мера безопасности на режимных объектах — местах, куда можно пройти только после предъявления документов или выписанного пропуска и обязательной записи в журнал. Не отметить Берию не могли, это исключено совершенно (он бы лично взгроз охранника). Охранники отмечали приход посетителя и уход буквально по минутам. Иной раз последняя запись на дню гласит: «последние вышли» и время, отстоящее от ухода последнего посетителя на минуты или даже часы. Поскольку в это время никого, кроме Сталина, в кабинете его уже не было, то эта весьма тактичная запись относится к самому Сталину, а не к тем посетителям, которых охрана якобы проворонила. Охрана не могла никого проворонить: дело это серьезное — режимный объект. И никакой «личный гонец» от Берии, родившийся в бредовых вымыслах, пройти в кабинет Сталина тоже не мог: не было оснований его пропускать. Обычным же порядком поступившее письмо должны были зарегистрировать в ЦК, куда оно и адресовано.

Стало быть, если отвлечься от вполне возможных бредовых вымыслов (Берия прошел тайно), у нас нет формальных оснований считать письмо Берии подлинным — написанным и подписанным 5 марта 1940 года. Оно противоречит действительности — как обычно подделки шизофреников.

Столь же чудовищно, как письмо Берии, выглядит выписка из протокола № 13 Политбюро, куда с грамматическими ошибками перепечатана часть его письма («военно-пленных» против «военнопленных» в том же тексте и «Кабулов» вместо *Кобулов*). На левом поле рассматриваемого документа вдоль листа снизу вверх написано красным предупреждающим шрифтом:

К сведению.

Товарищ, получающий конспиративные документы, не может ни передавать, ни знакомить с ними кого бы то ни было, если нет на то специальной оговорки ЦК.

Копировка указанных документов и делание выписок из них категорически воспрещается.

Отметка и дата ознакомления делается на каждом листе лично товарищем, которому документ адресован, и за его личной подписью.

Основание: Постановление Пленума ЦК РКП(б) от 19/VIII—24 г.

Несмотря на ясное, кажется, предупреждение ЦК, на посланной Берии выписке нет ни единой пометки Берии, т.е. он этот документ не читал.

На верхнем поле документа тем же предупреждающим красным шрифтом написано: «Подлежит возврату в течение 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г., пр. № 100, п. 5)», однако же на обратной стороне листа мы видим сложнейший шизофренический выворот:

За исключением фамилии «Лряпкина» записи выполнены почерком фальсификатора или чуть измененным. Наклон здесь тот же самый, что в фальсифицированных подписях, причем нижняя подпись «Силина» выполнена буквально с той же сменой наклона на сочетании «лин», что и в фальсифицированной подписи Сталина (верхняя сломана, но тоже похожа), да и соединение И с Л в фамилии Силина соответствует оному в фальсифицированной подписи Сталина. Слово «Шелепину» ломается вниз, и это похоже на излом подписи Микояна: близко к штампу взял шизофреник наш и на ходу немного отступил вниз.

В правом нижнем углу, обратите внимание, стояло сначала ТС, но потом шизофреник наш уразумел неким загадочным образом, что данными инициалами, под которыми шизофреник явно имел в виду Татьяну Константиновну Силину, подписана предыдущая приведенная запись на ином документе, выполненном несколько иным почерком, и поправил букву С на что-то иное, видимо К. Это можно считать указанием на то, что обе записи принадлежат одному человеку. К тому же предыдущая запись содержит шизофренический выворот, как разобрано выше, «протокол особой папки», а банда шизофреников выглядит неубедительно (часто шизофреник стоит во главе компании психопатов, например секты). Кроме того в приведенной патологической записи с «ОП» уже знакомым образом ложится буква Л в слове «согласовано», гляньте выше внимательно. Очень похоже на то, что все фальшивки один человек сляпал.

Разумеется, ни та запись, ни эта Силиной не принадлежит. Она долго работала в ЦК, в частности заведующей 6 сектора Общего отдела (архив Политбюро), и если бы была почерковедческая экспертиза, эксперт бы, конечно, запросил образцы почерка Силиной. Установить, кто скрывается за инициалами ТС, было несложно: Татьяна Константиновна была человеком, широко известным в узких кругах,— самая старая сотрудница, начавшая работу в секретариате ЦК 1923 году. Следствие же, увы, вели люди невежественные и не хваткие:

В Архиве Президента РФ, тщательно осмотрев подлинные документы Политбюро того времени, следователь ГВП А.Ю. Яблоков получил подтверждение существовавшей тогда практики принятия решений. Среди протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за период от 17 февраля до 17 марта 1940 г. № 13/13-ОП он обнаружил «особую папку» «Подлинники постановлений и материалы». В ней имеется следующая справка за подписью **заведующего особым сектором ЦК КПСС Т. Силина**: «Подлинник постановления Политбюро ЦК ВКП(б) П 13/144-ОП от 5 марта 1940 г. — записка НКВД № 794/Б от марта 1940 г. за подписью Берия с голосованием т.т. Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна (ропись) и т.т. Калинина, Кагановича по телефону находится в папке совершенно секретных документов».

Катынский синдром. Гл. 6.

Если это не наглое вранье, то следователь обязан был изъять бумагу и отправить ее эксперту на предмет изучения почерка «заведующего Силина», не его ли пометки стоят на найденных документах. Как же иначе устанавливать подлинность документов? По положению планеты Марс в месяце апреле? По приказу начальника?

Особенно мне в приведенной выше фотографии документа нравится запись «Берия + один в запас» (экземпляр), когда на том же документе ясно написано, да еще и красным цветом: «Подлежит возврату в течение 24 часов». Фамилия «Лряпкина» тоже звучит отлично — просто сказка. Фамилию эту, стало быть, шизофреник наш переписывал с рукописного текста и неправильно разобрал из Хряпкина.

Мне легко удалось выяснить, что в Управлении делами Совета народных комиссаров была сотрудница по фамилии именно Хряпкина, а не «Лряпкина», так как имеются заверенные ею, например, копии документов ГКО 1941 года [3]. Трудно понять, как люди в своем уме смогли проглотить столь чистый шизофренический выворот, как «Лряпкина». Да какие же ослы способны глотать подделки с грамматическими ошибками? Или, может быть, Хряпкина, как и Микоян, просто свою фамилию писала неуверенно? Да ведь это ужас крошечный... Наверно, в рукописном тексте, откуда переписывал шизофреник, начальная буква Х в фамилии Хряпкина была написана с очень высоко расположенным перекрестьем, очень похоже на Л. Ну, шизофреник естественным образом подошел к вопросу «формально» — иного трудно было ожидать. Это просто отличный пример для учебника по патологической психологии — классика шизофренического мышления.

Странно также видеть шизофренические вымыслы с количеством отпечатанных экземпляров, которых должно быть отпечатано столько, сколько существует исполнителей, каковое общее правило делопроизводства обычно выполняется даже при отсутствии в учреждении секретности. Можно бы было еще понять копию отосланного документа, оставленную в деле по данному вопросу или в некоем текущем употреблении, но печатать производственные копии документа, который должен быть возвращен исполнителем в течение суток... Возврат документов обеспечивается именно для того, чтобы в целях секретности снизить количество копий до необходимого минимума, а здесь «отпечатано 4 + 2», да еще и «в запас». На кой черт? Вероятно, шизофреник намалевал это с той целью, чтобы в 1959 году «отослать» свободный экземпляр Шелепину за подписью Сталина. Весьма продуманная связь, правда?

Обратите также внимание на дату, когда Берии был послан экземпляр «в запас», — 4 декабря 1941 года, последний день пассивной обороны Москвы перед переходом в наступление. В это время ЦК наверняка уже давно находился в эвакуации со всеми своими «конспиративными» документами, а Берия был в Москве: Сталин-то оставался в столице, и Берия просто не мог быть в ином месте. С какой же загадочной целью нарочный ЦК из неразберихи эвакуации добирался бы до Москвы, где царил самый суровый комендантский режим, военное положение, чтобы передать Берии бессмысленный с точки зрения тяжелой текущей обстановки документ и в тотчас же отвезти его обратно в ЦК? Видите ли, что такое шизофрения? Это полный отрыв от действительности — как фамилия Лряпкина.

Забавную шизофреническую новизну содержит экземпляр, якобы посланный Шелепину: такой же бланк ЦК ВКП(б), как в выписке для Берии, тот же текст под копирку, но внизу после подписи «СЕКРЕТАРЬ ЦК» допечатано И. СТАЛИН и поставлена печать ЦК КПСС. Выходит, выписка Шелепину в 1959 году пришла из ЦК ВКП(б) от Сталина, а подпись кто-то заверил печатью ЦК КПСС? Умно, ничего не скажешь. У пришедшего Шелепину документа нет автора, он пришел не от человека, нарисовался из воздуха, из шизофренического вымысла. Шелепин этого документа, конечно, не читал — хотя бы потому, что в его письме Хрущеву стоит совсем иное число якобы расстрелянных, чем указано в выписке из решения Политбюро. Да и напомню, что если бы Шелепин читал данный документ, на нем бы стояла его подпись.

Ход мыслей шизофреника нашего вроде бы понятен. Выписка из решения Политбюро двадцатилетней давности приходит Шелепину 27 февраля 1959 г. явно от Хрущева, так как вопрос о рассылке документов с грифом «из О.П.» должен был решаться на самом высоком уровне. Шелепин некоторое время думает и 3 марта пишет Хрущеву письмо, в котором предлагает уничтожить ряд документов, связанных с расстрелом поляков... Все очень логично, правда? И вопросов никаких не возникает, да? Здесь нет вывода — только ассоциации, что, как я уже сообщил, свойственно шизофреникам.

В письме Шелепина Хрущеву предлагаемое уничтожение документов мотивировано по правилу «как бы чего не вышло», что выглядит даже смешно:

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми нежелательными для нашего государства последствиями.

Логика, помилуй бог, узнаваемая: выше написано, «все дела в количестве 21.857 хранятся в опечатанном помещении» в КГБ, но тем не менее «какая-либо непредвиденная случайность может привести к

расконспирации»; следовательно, помянутые дела нужно уничтожить. И нас хотят уверить, что этот бред написал Шелепин, вроде бы не страдавший от бредового шизофренического состояния? Нет, это написал шизофреник: мотивация предлагаемых действий абсурдна с объективной точки зрения, логики нет.

В письме Шелепина, кстати, тоже видим, что особая папка воспринимается автором как тайное хранилище, а не архивный гриф: «По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке». — Шизофреник наш, конечно, не подозревал, что документы с грифом «особая папка» из хранилищ ЦК наверняка можно было вывозить грузовиками... Сомневаюсь, что там было много захватывающих тайн — обычные «конспиративные» документы, «текучка».

С точки зрения оформления письмо Шелепина тоже вызывает недоумение, как и письмо Берии: оно почему-то написано от руки, причем тоже малограмотным человеком, который не знал, например, как в русском языке расставлять запятые. Вообразить столь безграмотного болвана в секретарях у председателя КГБ, согласитесь, очень трудно. От руки же письмо написано, вероятно, потому, что дегенерат наш не нашел подлинного бланка КГБ пятидесятых годов. Что ж, это раритет, нечего и говорить: в пятидесятых годах КГБ существовал недолго (создан в 1954 году), да и деятельность его ведь только начиналась под рукой Никиты... Большого оборота документов поначалу, возможно, не было, а бланками могли пользоваться еще старыми — оставшимися в тех же кабинетах Лубянки от МГБ.

Стоит также отметить, что на письме Шелепина Хрущеву нет ни единой пометки Хрущева, хотя это совершенно прямое предложение, направленное ему лично, на которое он обязан был отреагировать тем или иным образом. Почему же Хрущев не оставил на письме резолюции, если читал шизофреническую эту дурь? Почему на письме Шелепина нет и прочих пометок, если оно поступило в секретариат Хрущева? Если, положим, Хрущев не читал разбираемого письма, то хоть кто-то же должен был его прочесть, не так ли? Что еще любопытно, в архиве Политбюро письмо Шелепина было зарегистрировано как входящий документ текущего делопроизводства, т.е. текущий запрос в архив. Умно, правда? Да, это шизофреник. В нижнем правом углу оборота последнего листа письма Шелепина стоит штамп регистрации его как входящего в архивный сектор документа с рукописной датой 16.III.69 или 16.III.65 (штамп этот должен стоять на первой странице, в правом нижнем углу, верно), а на первой странице в правом верхнем углу с неизвестной целью поставлен штамп архива, 6 сектора Общего отдела ЦК КПСС, от 9 марта 1965 года, т.е. документ начал использоваться ранее, чем поступил. Это, конечно, шизофреник. А поверит ли хоть один человек в своем уме, что по меньшей мере за шесть лет письмо председателя КГБ не успело дойти до первого секретаря ЦК КПСС, а потому и было отправлено в архив в 1965 или 1969 году? Неясно также, почему письмо Хрущеву без разбирательства было передано через шесть лет в архив — когда Никита, отправленный «по его просьбе» на пенсию, уже сидел на даче и писал насквозь лживые воспоминания о днях своей отважной молодости. Почему же письмо первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву не передали его преемнику, Л.И. Брежневу, который бы и принял решение по предложенному вопросу, оставив на документе надлежащую резолюцию, например «в архив»? Вот логика шизофреника: тогда не было принято ставить на документы резолюции, т.е. Хрущев решение-то принял, но никто об этом не знает.

Стоит еще добавить по разбираемому письму, что шизофреник не способен тепло относиться к людям, ему это даже претит в большинстве случаев, откуда очень показательно выглядит «формальное» и безличное обращение к Хрущеву — «Товарищу Хрущеву Н.С.», хотя обычно подобные письма писали через «Дорогой Никита Сергеевич» или схожее теплое демократическое приветствие, см., например, выше письмо Н.Н. Бурденко В.М. Молотову. Это тоже очень показательно и типично для шизофреника — бесчувственность, эмоциональная холодность. Да, Сталину в ЦК еще и можно было писать безлично, «товарищу Сталину», потому как обращение «Дорогой Иосиф Виссарионович» звучало бы для иных просто преступной фамильярностью, кощунством, но Хрущев был уже вполне открыт и доступен, также Брежнев и все прочие после него.

Излишне, наверно, повторять, что число «расстрелянных» в письме Шелепина не имеет ничего общего с числом, которое запросил Берия и на которое якобы было поручено одобрение ЦК: числа расходятся на несколько тысяч человек, причем объяснений, почему нарушено было решение высшего в стране законодательного и исполнительного органа власти, в письме Шелепина нет и в помине, да шизофренику это и не требуется: будет и того, что он лично свою пачкотню понимал хорошо.

Шелепин дожил о расследования фальсифицированного дела № 159 и даже встретился с одним из фальсификаторов 11 декабря 1992 г., следователем А.Ю. Яблоковым, с которым ближе мы познакомимся при рассмотрении протокола допроса бывшего начальника Калининского УНКВД Токарева. Разумеется, через тридцать лет после событий Шелепин не мог уверенно ни подтвердить свою подпись под документом, ни тем более опровергнуть ее: он попросил предъявить ему подлинник якобы его письма, а

также назвать имя исполнителя, который якобы писал письмо. Яблоков описал эту встречу, нагородил от имени Шелепина всякого вздора, но из его же откровений следует, что под протокол Шелепин не сказал ничего. Болтовня же Яблокова едва ли кого заинтересует, а протоколы фальсифицированного дела никому пока не доступны (а надо бы опубликовать их до последней точки с опровержениями лжи и фальсификаций). Самый любопытный отрывок из писанины Яблокова касается «документов», которые мы разбираем:

Готовясь к допросу Шелепина и выполняя его предварительные условия, я 10 декабря 1992 г. переговорил по телефону с директором Архива Президента РФ Коротковым. Он сказал, что подлинники документов ни при каких условиях выдаче из архива в Кремле не подлежат.

Катынский синдром, гл. 6.

Подумать только, следователю не дают доказательства по уголовному делу, которое он расследует. Другой бы постеснялся писать эту чушь, а этот даже не понимает... Видите ли, как они дела делали? С такими-то следователями любое дело можно подшить: умные ребята — без доказательств обходятся с легкостью, даже особенно и не требуют. На каком же основании подобный следователь мог бы назначить экспертизу документов? На основании вымыслов своего воображения? Кстати, названный здесь Коротков, напомним, связан с фантастическим вторым рождением «документов».

Участие в фальсификации Катынского дела Главной военной прокуратуры

Здесь можно задать наконец вопрос: если сляпал фальшивые документы явно один человек, то каким же боком к нему касалась Главная военная прокуратура, следователи которой приняли участие в фальсификации? В связи с приведенным выше разбором фальшивых документов крайне любопытно выглядит следующее заявление в цитированной выше книге, одним из авторов которой был следователь ГВП Яблоков:

Как только материалы «особого пакета № 1» поступили в Главную военную прокуратуру, следователи которой несколько месяцев старались довести до сознания высоких чиновников, что существование постановления Политбюро о польских военнопленных бесспорно доказано, были проведены необходимые следственные действия. В Кремле был осмотрен весь комплекс документов, **проведены почерковедческая и криминалистическая экспертизы**. Они подтвердили подлинность записки Берии на имя Сталина № 794/Б от марта 1940 г., подписей на ней Сталина, Молотова, Ворошилова, Микояна и Берии, а также выписки из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 г. [ссылка: Главная военная прокуратура. Уголовное дело № 159. Т. 115. Л. 4-29, 45-78.]

Катынский синдром, гл. 6.

Выше вы видели, что такое почерковедческая экспертиза, в народе иной раз неверно называемая «графологической» (графология есть лженаука, каковое мнение распространено в «литературе»). Каким образом записка Берии могла пройти почерковедческую экспертизу на подлинность, если это невозможно просто в принципе? Что, эксперт сеточку не мог составить, какую вы видели выше? Или, может быть, он не знал, что в рукописном тексте любого человека всегда определен наклон букв, межстрочный интервал, отступы и еще многое иное, словом почерк? Значит, эксперт-почерковед нетвердо знал, что такое почерк? Но как же тогда он установил подлинность подписей? Или, может быть, это у следователя Яблокова бредовая идея? Занятно бы было, конечно, взглянуть, что канцелярские накарябали в томе 115 на указанных страницах. Работать-то они умеют, ничего не скажешь: подумать только, сто с лишним томов исписали, а подделку документов установить то ли не догадались, то ли не смогли, то ли не захотели за взятку. Это высший пилотаж бюрократизма — недостижимая вершина. Дело все в том, что никто проверять не станет: какие дураки по сто томов и читают...

Если экспертиза существует, то это было не только заведомо ложное заключение эксперта, но и государственной изменой попахивало, да ниже увидим и фальсификацию доказательств по делу, тем же самым пахшую в данном случае. Эксперта трудно купить, не купив прежде следователя, так как лицо или учреждение, производящее экспертизу, известно только следователю, во всяком случае потерпевшим его знать не нужно. Налицо оказание помощи в данном случае иностранной организации, родственникам «жертв режима», в ущерб внешней безопасности России, финансовой в данном случае безопасности.

Поляки-то, думаете, зря кругами ходят вокруг Смоленска да слезы крокодиловы ручьями на могилках льют? Они же денег хотят, контрибуцию свою, по судам бегают... Добегаются когда-нибудь, сомнений нет. Не знаю, как насчет «преступления века», были преступления в двадцатом веке и пострашнее, но этаким подлости мир точно еще не видел. Кровососы, ей-богу. Ну, кто же канцелярских купил с потрохами? Или, может быть, вы допускаете, что канцелярские способны работать бесплатно, за великую польскую идею? Свежо предание, да верится с трудом.

Фальсификация прокуратурой свидетельских показаний по Катынскому делу

Рассмотрим теперь чрезвычайно любопытный протокол проведенного 20 марта 1991 г. допроса Д.С. Токарева, начальника Калининского УНКВД в 1940 г. На момент допроса Токареву было около 89 лет, и канцелярские решили, что имеют дело с полным маразматиком. Самое любопытное начинается в начале допроса, который, увы, переведен с польского, так как у нас недоступен (канцелярские «работу» свою склонны скрывать от своего народа, да и правильно — не поймут еще):

Токарев: Направили, значит, нас к Кобулову. Когда мы вошли, там было наверно около 15-20 человек, точно не помню. Никого из них я не знал, кроме самого Кобулова, у которого бывал. Кобулов разъяснил, что есть указание высшей инстанции — не произнес названия этой инстанции, позже, однако, я узнал, что это было постановление Политбюро — по вопросу расстрела представителей карательных органов Польской Республики, которые были взяты в плен во время вступления наших войск в восточные территории Польши.

[...]

Яблоков: Дмитрий Степанович, а постановление Политбюро — когда имело место?

Токарев: Вы знаете, что о вынесении решения на заседании Политбюро я узнал во время первого допроса от Николая Петровича ... [поворачиваясь к Анатолию Яблокову.] — так ведь зовут?

Яблоков: Да, да, так.

Токарев: В присутствии Николая Петровича я говорил товарищу, который меня допрашивал, и даже спросил: «Было решение Политбюро?» Он рассказал мне: «Да, было» — впервые узнал от него. Перед этим же я знал о высшей инстанции.

Яблоков: Какой высшей инстанции?

Токарев: Я догадывался ... Выше Политбюро у нас не имеется никаких инстанций... Только седьмое небо. Тогда я только догадывался, а окончательно узнал от вашего представителя. Вот и всё.

[...]

Яблоков: Вы понимаете, что высшая инстанция — это не Особое совещание?

Токарев: Нет-нет, понимаю, что это ЦК, Политбюро, но не знал точно, когда мне сказал Василий Иванович. Он сказал, что это было решение Политбюро.

Обратный перевод допроса Токарева (с перевода на польский)

Ужас, что творится: рассеянный и забывчивый, при упоминании Политбюро Токарев будто чуть очнулся — память вдруг немного прорезалась, а реакция стала мгновенной и предельно четкой с правовой точки зрения: «Вы знаете, что о вынесении решения на заседании Политбюро я узнал во время первого допроса от Николая Петровича», причем тотчас же Токарев грамотно зафиксировал связь между Яблоковым и Николаем Петровичем, задав Яблокову вопрос: «Так ведь зовут?» — Ну, что тут скажешь? Не так? Прекрасно, но как же в действительности звали провокатора, Николай Петрович или Василий Иванович?

Посмотрите, как просто добываются «доказательства»: на первом допросе то ли неведомый Николай Петрович, он же Василий Иванович, то ли товарищ его (понять Токарева непросто) сообщил Токареву, едва ли под протокол, о найденных «архивных» документах — решении Политбюро расстрелять поляков, даже назвал «документальную» дату решения, а на втором допросе, когда наведенный Токарев уже понес эту чушь про Политбюро, Яблоков задал простейший вопрос, на которой Токарев смог бы ответить очень

легко: «Дмитрий Степанович, а постановление Политбюро когда имело место?», причем, заметьте, не спросил, откуда Токарев узнал про постановление Политбюро, хотя обязан был (информация должна иметь источник).— И если бы Токарев ответил, что постановление Политбюро о расстреле поляков имело место быть 5 марта 1940 года, то фальсифицированные «документы» были бы подтверждены «свидетельскими показаниями» «бывшего ответственного работника НКВД СССР». Нет, демоны, не на того напали: сталинские соколы и ворошиловские стрелки не сдаются даже в девяносто лет! Bravo, деда.

И хотя согласно действовавшему тогда советскому УПК информация, факты, источник которой свидетель не указал, не считалась доказательством, провокационно вырванное из Токарева признание все равно имело бы силу для общества, оболванивающую силу, погружающую в бред.

Возникает вопрос, откуда Яблоков и загадочный «Николай Петрович» 20 марта 1991 года узнали о фальсифицированном постановлении Политбюро, якобы решившем судьбу поляков, если даже М.С. Горбачев о нем узнал только 24 декабря того же года? Обратимся за ответом к уже надоевшей книге:

Сопруненко первый раз допрашивали 25 октября 1990 г. начальник отдела ГВП полковник юстиции Н.Л. Анисимов [Николай Петрович, он же Василий Иванович?], осуществлявший прокурорский надзор за расследованием дела, и руководитель следственной группы полковник юстиции А.В. Третьцкий. На тот момент следствие не располагало достаточными доказательствами о его роли, и поэтому допрос Сопруненко оказался фактически безрезультатным. Получив показания Токарева о роли в этом деле Сопруненко, проанализировав и подготовив документы, обнаруженные в архивах, мы с Третьцким 29 апреля 1991 г. повторили допрос.

[...]

После неоднократного просмотра видеозаписи показаний Токарева и сам Сопруненко удивленно констатировал, что Токарев все хорошо помнит и аргументированно, без предварительных пометок на бумаге, в свободном разговоре, образно, ясно и даже артистично может излагать свои мысли. Тем не менее Сопруненко в ходе допроса достаточно ловко уходил от острых вопросов, переводил беседу на второстепенные детали, перекладывал ответственность за участие в катынской трагедии на своего заместителя, тогда старшего лейтенанта госбезопасности, И.И.Хохлова и других сотрудников НКВД. **Только после предъявления архивных документов и неоднократной демонстрации видеозаписи допроса Токарева, подтверждающих личное участие Сопруненко в катынских событиях, он дал важные показания о том, что лично видел и держал в руках постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина о расстреле более 14 тыс. польских военнопленных, содержащихся в Осташковском, Старобельском и Козельском лагерях НКВД СССР.**

Катынский синдром. Гл. 5.

Выходит, о фальшивом постановлении Политбюро Яблоков с «Николаем Петровичем» узнали 29 апреля 1991 года от Сопруненко, которого допрашивали после Токарева, причем сам Сопруненко, как и Токарев, узнать о фальшивке мог только от Яблокова с «Николаем Петровичем». Ну, не мог Сопруненко «держать в руках» вообще ни единое постановление Политбюро, по любому вопросу. Во-первых, уровень его был слишком низок: решение послали бы народному комиссару внутренних дел, который бы от своего имени и отдал указания подчиненным, а во-вторых, возглавлял Сопруненко Управление по делам военнопленных, УПВ НКВД, и исполнителем приговоров по решению Политбюро быть не мог: на момент «расстрела» поляки числились за УНКВД, областными управлениями, как видно из опубликованных по делу документов, коих коснемся подробно в следующей главе. Человеку же, который не отвечает за исполнение и вообще никакого отношения к нему не имеет, решение Политбюро сообщить не могли: разглашать «конспиративные» документы, как мы читали выше, нельзя было ни в коем случае. Сопруненко оформил всех пленных по оперативной картотеке для 1-го спецотдела НКВД — фотографии, отпечатки пальцев и анкетные данные, после чего подлежащих осуждению по ОСО отправил в УНКВД, и всё, на этом его отношения с пленными закончились. Даже о самом факте «расстрела» Сопруненко узнать мог только случайно, скажем в пьяной болтовне. Приведенные «показания» Сопруненко — это наглая фальсификация, противоречащая действительности, причем разобраться в этом начальники Яблокова и «Николая Петровича» могли даже без вскрытия фальсификации решения Политбюро от 5 марта 1940 г. — если бы захотели.

Стало быть, мы очень хорошо видим, что о фальшивых документах Яблокову с «Николаем Петровичем» было известно задолго до их появления у М.С. Горбачева — ранее 20 марта 1991 года, во время первого допроса Токарева. Вопрос, кто же им рассказал о мифическом решении Политбюро расстрелять поляков? Как они могли установить это «следственным путем», если подлинного решения Политбюро не было, а о фальшивом даже Горбачеву стало известно только в конце 1991 года? Сам Яблоков объяснил свою фантастическую осведомленность о высочайших государственных тайнах — помилуй бог, «№ 1» — следующим образом:

Показания свидетеля

Из выступления в Басманном районном суде г. Москвы ответчика по иску внука Сталина

...Еще до передачи Ельциным в 1992 г. документов особой папки существование этих документов было доказано следственным путем. Так, с 1990 по 2004 годы Главной военной прокуратурой расследовалось уголовное дело № 159 («Катынское дело»), в котором я, ответчик Яблоков, принимал непосредственное участие в период с 1990 по 1994 годы.

В показаниях допрошенных мною в начале 1991 г. в качестве свидетелей с применением видеозаписи бывшего начальника УНКВД по Калининской области **Токарева Д.С.** и бывшего начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР **Сопруненко П.К.** и других бывших сотрудников НКВД содержатся подробные сведения о механизме расстрела польских военнопленных, местах их захоронения, **причастности Политбюро ЦК ВКП(б) к решению об их уничтожении.**

В конце октября 1992 г. заверенные копии документов особой папки № 1 поступили из Архива президента РФ в Главную военную прокуратуру и были мною изучены и приобщены к уголовному делу, где в настоящее время и должны храниться.

Новая газета. № 119 от 26 октября 2009 г

Опять те же Токарев и Сопруненко, хотя Токарев от своей осведомленности по поводу причастности Политбюро к расстрелу поляков отказался под протокол допроса, а Сопруненко не то что о решении Политбюро — о «расстреле» знать не мог.

Механизм фальсификации допроса всегда приблизительно одинаков: сначала следователь рассказывает подследственному без протокола, что он должен знать по делу, часто с применением «убедительных доводов», а потом подследственный рассказывает следователю под протокол, что он знает по делу. «Раскрыть» подобным образом можно любое преступление — на заказ, это очень легко. Нетрудно и перепугать двух девяностолетних дедов «убедительными доводами», например перспективой встретить смерть в тюрьме: «Что, ты думаешь, тебя родственникам выдадут? Оттуда не выдают — под номером закопают». — После этого, если им пообещают больше их не трогать, деды все расскажут правильно.

Токарев на допросе отрицал приводимые ему документы и плел полную чушь о «расстреле» поляков во внутренней тюрьме Калининского УНКВД. Оказывается, все тюрьмы были ужасно переполнены, а потому «расстреливали» в здании УНКВД. Вот любопытный отрывок:

Яблоков; Дмитрий Степанович, какое оружие имели вы и другие офицеры НКВД?

Токарев: Оружие штатное — ТТ. Я, правда, имел маленький карманный немецкий пистолет Вальтер. Но когда приехали Блохин, Синегубов и Кривенко, то привезли целый чемодан пистолетов. Оказалось, что эти пистолеты быстро изнашиваются. Поэтому привезли их целый чемодан.

Яблоков: А какие пистолеты?

Токарев: Пистолеты Вальтер, по-моему, Вальтер.

Яблоков: А других не было?

Токарев: Не помню. Может позже были другие.

Яблоков: А какие патроны были к тем пистолетам?

Токарев: Ну Вальтер — известные пистолеты. Вальтер 2, а какой калибр — я не знаю... когда-то знал.

Яблоков: Наши патроны к нему не подходят?

Токарев: Наши патроны нет. Только немецкие.

Яблоков: А патроны фирмы «Геко»?

Токарев: Какие?

Яблоков: «Геко», «Геко».

Токарев: Даа, не знаю, не могу сказать. Но, по крайней мере, я знаю наверняка не больше, чем знают другие.

Яблоков: А другие офицеры НКВД? Например, в вашем Управлении, в центральном аппарате, какие были пистолеты?

Токарев: Ну что ж, полагались ТТ — такой наш тульский, «тульский Токарева».

Яблоков: А как правило какие были?

Токарев: Простите?

Яблоков: Как правило какие были?

Токарев: Трудно, трудно сказать... Что ж, не было запрещено иметь другое оружие.

Яблоков: А где его можно было приобрести, это другое оружие?

Токарев: Знаете где? Вот я, например, раздобыл у партизан. Во время войны достал Вальтер. Но раньше, наверное, был другой пистолет. Пожалуй, были ещё Наганы. Пожалуй так, однако я не могу утверждать, прошло ведь свыше полувека...

Обратный перевод допроса Токарева (с перевода на польский).

Токарев, как видим, помнил, что «Вальтеры» попали в СССР во время войны, а в 1940 году у офицеров НКВД их не было. «Вальтеров» же второй модели, названных Токаревым как оружие расстрела поляков, было очень мало, производили их недолго, с 1914 по 1915 гг., когда перешли на пятую модель, и в СССР такие пистолеты не могли попасть чемоданами: Токарев выдумывает чушь. Патроны «Геко» 7,65 мм к данному пистолету, конечно, не подходят. Длина этого пистолета одиннадцать сантиметров, калибр 6,35 мм, а вес без патронов 280 г — «маленький карманный пистолет», верно. В чемодан их, наверно, много войдет под завязку, только вот чемодан едва ли выдержит: он предназначен для переноски одежды, а не металлических предметов. — Логика, ничего не скажешь.

Вот тоже логика: «Но когда приехали Блохин, Синегубов и Кривенко, то привезли целый чемодан пистолетов. Оказалось, что эти пистолеты быстро изнашиваются. Поэтому привезли их целый чемодан». — Когда оказалось? Когда привезли и начали расстреливать поляков? Но тогда причина, быстро изнашиваются, идет по времени после следствия, доставки чемодана с пистолетами. Кроме того, если оружие быстро изнашивается, люди в своем уме не чемоданами его запасают, а берут надежное. Эти слова Токарева бред, следствие неких шизофреноподобных отклонений, поскольку врать подобным образом нормальный человек просто не способен (попробуйте что-нибудь подобное выдумать — уйдет много времени, а столь органичная чушь едва ли получится). Видимо, выдал этот бред Токарев в ответ на настоятельные расспросы следователей о «Вальтерах» у офицеров НКВД, а также патронах «Геко», т.е. следователи откровенно фальсифицировали дело под нацистскую версию. Любопытно, «Николай Петрович» на первом допросе не спрашивал ли у Токарева, знаком ли тот был с «еврейским комиссаром Львом Рыбаком»? Улика, согласитесь, важная.

Вот еще один шизофреноподобный выворот, петля во времени, простой уже, впрочем:

Токарев: Партизаны подарили мне раз Вальтер, другой раз Парабеллум, в третьем случае (здесь идут непонятные слова) убили немецкого генерала и подарили, преподнесли мне [этот пистолет].

Я имею серию книг о партизанском движении в калининской области посвященных оперативным вопросам. Поэтому мне так торжественно вручали сувениры в таком вот виде...

Понимал ли следователь Яблоков, что если человек после войны «имел серию книг» о партизанском движении, то во время войны партизаны не могли ему дарить за это пистолеты? Или, может быть, не очень?

Здесь переводчик отметил в примечании: «*Мam serię książek* — так понимаю, что имеется в виду им самим написанные?»— Очень даже может быть...

У Токарева смешались в голове НКВД и КГБ, одновременно существуя в 1940 году:

Яблоков: Антонов, да? Откуда был этот Антонов?

Токарев: Из Москвы, из КГБ.

Яблоков: Из КГБ?

Токарев: Да, в штатах КГБ у Блохина.

Токарев на допросе заговаривался, но следователю Яблокову все нипочем:

Яблоков: Сейчас это здание Медицинского института?

Токарев: Я не знаю, названия сменяются (*Токарев некоторое время говорит что-то, чего трудно понять*)... я не знаю, как выходили с окружения...

Яблоков: А скольких заключенных содержали в камере?

Если человек «некоторое время» говорит вещи, которые «трудно понять», то не следует ли прервать допрос или хотя бы осведомиться у допрашиваемого о его самочувствии? Нет, это совершенно лишнее, как видим. Странный тип этот Яблоков: у него на допросе девяностолетний старик чуть ли не сознание теряет, отключается от действительности, а Яблокову даже о самочувствии старика осведомиться не приходит в голову. Любопытно, в чем причина столь странного поведения? Что ж, во всяком случае видим: преступление Яблоков совершил с умыслом, действовал сознательно и целенаправленно, а не по недоразумению, так как не увидеть психических отклонений Токарева в данном случае было уже невозможно. По закону Яблоков обязан был обеспокоиться психическим состоянием Токарева (юристам читают курс судебной психиатрии) и прервать незаконный допрос, но действовал он не по закону, а в связи с иными соображениями, нам пока не известными. Ну, что это за допрос, если свидетель несет чушь? Кому это нужно? Полякам? И заметьте, наглость-то какая: преступление было совершено перед телекамерой.

Вот и дальше Токарев проявляет нездоровую реакцию:

Яблоков: Знакома ли вам судьба майора государственной безопасности Синегубова?

Токарев: Был начальником оперативной службы, затем его перевели в Министерство сообщения, где он принял пост главного ревизора безопасности всех железнодорожных линий.

Яблоков: Ревизора, да?

Токарев: Понятия не имею, ни разу не встречался с ним и ничего о нем не слышал, а Сухарев? Застрелился...

Сначала Токарев назвал должность Синегубова, потом его новую должность после перевода в НКПС, но тотчас же от своих слов отказался: «Понятия не имею, ни разу не встречался с ним и ничего о нем не слышал».— Это как же понимать? Это нормально? Любопытно, какой вывод сделал следователь Яблоков из этих слов?

Вот патологический вымысел Токарева о месте захоронения якобы расстрелянных:

Яблоков: Говорили, что были выкопаны рвы. Сколько было выкопано?

Токарев: Сколько трупов, столько и рвов. То есть приблизительно на 250 тел. Экскаватор «Комсомолец» — с ковшом в три четверти кубометра.

Яблоков: А большие рвы выкапывали?

Токарев: Ну, какая нужна яма, чтобы закопать 250 человек? Большая.

Яблоков: А приблизительно не можете сказать?

Токарев: Не был там.

Яблоков: Но все-таки ездили туда потом с Сухаревым?

Токарев: После, конечно, туда ездил, значит, поехал на дачу и сказал, чтоб показал мне то место. Он мне показал. Это все.

Яблоков: Примерно какие это были размеры?

Токарев: Размеры чего, кладбища?

Яблоков: Да.

Токарев: Если можно так назвать. Не мерил каждый ров отдельно. Боюсь рисовать, сколько там... десять на двадцать метров, тридцать на пятьдесят метров, но это только примерно.

Яблоков: Ясно, что примерно.

Токарев: На вид двадцать метров. На вид так. А глубина... До трех метров, наверно.

Показания Токарева не соответствуют действительности: экскаватор «Комсомолец», сведения о котором можно найти в интернете [4], не мог копать котлованы под могилы глубиной три метра. Это карьерный экскаватор, работающий по принципу т.н. прямой лопаты, т.е. выбирающий грунт от себя и вверх, прямо перед собой, а котлованы копают экскаваторы, работающие по принципу обратной лопаты, т.е. выбирающие грунт на себя и вниз. Карьерный экскаватор обычно берет в глубину от уровня своей стоянки полтора метра (он не для этого предназначен), а работает он кроме карьера, например, на засыпке или погрузке. На рисунках вы видите рабочие возможности обоих типов экскаваторов.

Публика, пребывающая в бреду, возразит, конечно, что «в принципе» демоны страшные могли выкопать котлованы и этим экскаватором, но увы бредовым идеям, это невозможно. Дело в том, и на рисунке это видно, что выемка грунта в глубину — это экстремальный режим для экскаватора типа «Комсомолец», т.е. он будетдохнуть при постоянной работе в таком режиме, тем более с огромным ковшом, какой указал Токарев, 0,75 куба (по техническим характеристикам, ссылка на которые выше, этот экскаватор оборудован был ковшом 0,35 куба), а разрабатывать массовую могилу как карьер, со спуском экскаватора в яму, слишком хлопотно: это требует подготовки съезда в яму или подъемного крана, а также обеспечения нормальной проходимости экскаватора по дну ямы. Гораздо проще в подобных случаях не валять дурака, как с чемоданом ненадежных пистолетов, а вызвать другой экскаватор:

Поскольку отсутствие нужного количества траншей для массового захоронения все время являлось тормозом, а 4 экскаватора типа "Комсомолец", выделенные по решению исполкома Ленгорсовета от 25 декабря 1941 г. управлениями жилищного и культурно-бытового строительства, себя в работе по рытью траншей не оправдали, горком ВКП(б) и Ленгорисполком обязали 20 января 1942 г. 5-е особое строительное управление (Союзэкскавация), начальник т. Чернышев, располагающее **мощными экскаваторами типа "АК"** и опытными квалифицированными кадрами, приступить к работам по рытью траншей на Пискаревском кладбище.

[Из отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания по работе за год войны с июня 1941 по июнь 1942г. Раздел "похоронное дело".](#)

ЦГА СПб., ф. 2076, оп. 4, д. 63, л. 147-191.

Как видим, экскаваторы «Комсомолец» на рытье траншей для могил противопоставлены «мощным экскаваторам». Попытка их использования для рытья массовых захоронений не увенчалась успехом, притом что «теоретически» рытье котлованов вполне возможно такого типа экскаватором (он должен вырыть яму, спуститься в нее и далее идти по уровню ямы вперед, выбирая грунт перед собой, потом перейти на более низкий уровень и так далее).

Токарев просто вспомнил, что были экскаваторы «Комсомолец», и вплел их в свое бредовое описание захоронения якобы расстрелянных, так как действительности его рассказ не соответствует. Проверить его показания, кстати, было нетрудно, но в том ли задача была у канцелярских? Ведь они должны были «раскрыть» дело, а не развалить его, не так ли?

Любопытно, что показания Токарева насчет места «расстрела» столь же фантастичны, как насчет использованного для «расстрела» оружия и места захоронения «расстрелянных»:

Токарев: И теперь прошу учесть такой вопрос. В калининской области, несмотря на то, что она была очень большой: 74 района, 27 городов и рабочих поселков, 3 округа — было всего лишь 14 тюрем, где содержалось в набитых доверху помещениях 6 тыс. человек, посаженных во время репрессий в [19]37 — [19]38 годах. С этими тысячами мы работали до самого начала войны. Не было уже мест даже для одного человека, сверх тех, которые там находились. Это по-видимому было написано, но позже удостоверились, что осуществление этого невозможно.

[...]

Токарев: Комендант внутренней тюрьмы — хорошо его помню. Не принимал он участия в расстрелах потому, что должен был знать, что в это время у него в тюрьме происходит. А из тюрьмы вывезли на это время арестованных, перебросили их в другую тюрьму, тут же оставались только те, которые должны были быть расстреляны.

[...]

Токарев: Ничего не могу сказать. Этого документа не помню и уверен, что мы никого никуда из лагеря не отправляли. Занимался этим сам Сопруненко... сам Сопруненко. В Москве решали такие проблемы. В моих тюрьмах, повторяю ещё раз, мест для этих людей не было. Вот так. И не могло быть даже речи, чтобы в какую-нибудь тюрьму перевести хотя бы незначительное число польских военнопленных. Не могло быть речи, так были заполнены.

[...]

Токарев: Камеры, да... Перед началом расстрелов поляков из внутренней тюрьмы убрали других арестованных и перевели их в городскую тюрьму, а тут содержали только поляков.

Значит, поляков негде было содержать, кроме здания УНКВД, а для «других арестованных» из внутренней тюрьмы УНКВД места нашлись легко? А кто поверит, что в 14 тюрьмах помещалось всего 6 000 человек?

Токарев показал, что расстрел происходил в одной камере:

Токарев: [...] В камеру, где совершались расстрелы, я не входил. Там технология была выработана Блохиным, да, и комендантом нашего Управления Рубановым. Они обили войлоком двери выходящие в коридор, чтобы не было слышно выстрелов в камерах. Затем выводили приговорённых — так мы [о них] будем говорить — по коридору, сворачивали налево, где был красный уголок. В красном уголке проверяли по списку: сходятся ли данные, данные личные, не имеется ли какой-нибудь ошибки, да... а затем, когда удостоверились, что это тот человек, который должен быть расстрелян, немедленно надевали ему наручники и вели в камеру, где совершались расстрелы. Стены камеры также были обиты звукопоглощающей материей. Вот и всё.

Уже исследователями отмечен абсурд в данных показаниях Токарева: красный уголок, где должны были проводить политзанятия с сотрудниками аппарата УНКВД, находился во внутренней тюрьме, в подвальном помещении, да и прочее вызывает большие сомнения:

Посещение авторами в ноябре 2006 г. здания бывшего областного управления НКВД г. Калинина (в настоящее время это здание Тверской медакадемии) породило сомнение — действительно ли здесь в течение месяца можно было расстрелять более 6 тысяч поляков?!

Здание находится на центральной и людной улице Твери — Советской. В 1940 г. это также был центр города. Подвал здания, в котором размещалась внутренняя тюрьма УНКВД и в котором, по утверждению Токарева, была оборудована «расстрельная камера», сохранился практически в первозданном виде. Он представляет собой полуподвальный цокольный этаж (до 6 м высотой, из них 2 м над землей) с большими окнами под потолком, выходящими на улицу. В здании перед войной работали сотни сотрудников и вольнонаемных.

Как видно из схемы, двор Калининского УНКВД до войны не являлся закрытым по периметру и частично просматривался из соседних домов. Режим скрытного проведения массовой расстрельной акции в таком здании обеспечить было практически невозможно (см. [рисунок № 1](#)).

Сложно также поверить в то, что за темное время суток (на широте Твери оно в начале апреля составляет всего 9 часов, а рано утром 4-этажное здание УНКВД заполняли сотрудники) в единственной камере расстреливали по 250-300 чел.

Особенно если принять во внимание уточнения Токарева: «Из камер поляков поодиночке доставляли в «красный уголок», то есть в ленинскую комнату, там сверяли данные — фамилию, имя, отчество, год рождения. Затем надевали наручники, вели в приготовленную камеру и стреляли из пистолета в затылок. Потом через другую дверь тело выносили во двор, где грузили в крытый грузовик». (Катынь. Расстрел. С. 35). Все эти передвижения заключенных требовали времени. Не говоря уже о том, что сверку данных жертвы проводили в «ленинской комнате»!

Дело не в «ленинской комнате», а в том, где она находилась. Нельзя же допустить, чтобы обреченных на расстрел выводили за пределы внутренней тюрьмы?! Соответственно, по утверждению Токарева, эта «святая святых» каждого советского учреждения располагалась в полуподвальном помещении внутренней тюрьмы УНКВД! Получается, что важные совещания аппарата и политинформации Токарев и его замы проводили в полуподвале, рядом с заключенными??

Поверить в такое можно только в страшном сне. Не случайно до сих пор никто не может указать даже предполагаемого места расположения «красного уголка» в подвале бывшего здания Калининского УНКВД.

В. Швед. Тайна Катыни. М.: Алгоритм, 2007, стр. 128 — 130.

Я поясню расчет: 9 часов по 60 минут в каждом часу — это 540 минут. Таким образом, если допустить последовательный расстрел в одной камере 250 человек, на каждого человека уходило 2 минуты 16 секунд. Поскольку же очередь смертников не могла стоять в красный уголок, конвейера быть не могло по соображениям безопасности, то за 2 минуты 16 секунд нужно было вывести заключенного из камеры, привести его в мифический красный уголок, опросить и отвести в камеру для расстрела. Указанная Токаревым скорость работы «палачей» сомнительна, а потому следователи обязаны были провести следственный эксперимент на месте «расстрела». Да, но разве же можно разваливать дело? Какие дураки свои дела и разваливают? Кто поверит в то, что следственный эксперимент был?

Бредовый вымысел Токарева о «расстреле» подтверждается также тем, что он не представлял себе точно, где находился во время «расстрела» главный «палач» Блохин, оговоренный Токаревым по болезненному состоянию:

Яблоков: А в красном уголке кто обычно присутствовал при допрашивании?

Токарев: Ну что ж, присутствовали помимо Блохина... и Синегубов, и Кривенко, и я два или три раза присутствовал в течение 5-10 минут.

[...]

Токарев: Это в первый же день. Вот мы и пошли. И я увидел весь этот тут ужас. Пришли там через несколько минут, надел свое спецобмундирование Блохин...

Яблоков: А какое?

Токарев: Кожаная коричневая кепка, кожаный коричневый фартук длинный, кожаные коричневого цвета перчатки с крагами выше локтей. И на меня это произвело впечатление ужасное. Я увидел палача.

Нетрудно себе представить, как Блохин, одетый в кожаную коричневую кепку, длинный кожаный коричневый фартук, кожаные коричневого цвета перчатки с крагами выше локтей, в красном уголке допрашивает поляков, а потом, вероятно, бежит стрелять несчастных из маленького карманного пистолета... Это абсурд, бредовый вымысел, к действительности отношения не имеющий.

Палачи, по сообщению Токарева, кончили плохо:

Токарев: Понятия не имею, ни разу не встречался с ним и ничего о нем не слышал, а Сухарев? Застрелился, одним словом. Что ж, понятно — был в казарме и там застрелился. Блохин застрелился, Павлов застрелился.

Яблоков: Кто еще застрелился?

Токарев: Рубанов сошел с ума. Трагедия.

Все это тоже полный абсурд. Например, про главного завхоза НКВД Василия Михайловича Блохина, начальника АХУ НКВД, которого Токарев записал в демонические палачи и который у Токарева застрелился от «ужасающего зрелища», известно, что он умер своей смертью от инфаркта миокарда 3 февраля 1955 года, о нем есть статья в «Википедии». И как же это понимать? Если свидетель столь сильно искажает легко проверяемые факты, то можно ли ему верить? Можно ли назвать психическое его состояние нормальным?

Вот еще показательная хаотизация образов мышления Токарева:

Токарев: Помню такой случай и хочу вам рассказать, как легко распорядились человеческой жизнью. Как то раз звонит мне по телефону ... личный секретарь ... Кобулова — Якимов — был такой. «Товарищ Токарев, у тебя человек осужденный на расстрел. Он брат Михаила ... — был у нас такой кинорежиссёр... польский, как его зовут? Он был раз у меня в кабинете вместе с Жаковым, с актёром Жаковым. Следовало его вычеркнуть и не направлять на расстрел. Он уже в Калинин — ночью должен был быть расстрелян».

Немедленно соединился с кем-то там, не знаю уже с кем, не помню: «Вычеркните его и покажите мне, что вы вычеркнули, доставьте его», — я сказал. Позже его направили в другой лагерь, куда-то, но куда, не могу теперь сказать.

Яблоков: Как зовут этого режиссёра?

Токарев: Он автор фильмов «Тринадцать», «Сорок первый». Такой известный, польский гражданин, который, правда, потом автоматически стал советским гражданином.

Яблоков: Он живёт сейчас в Союзе?

Токарев: Он умер — я читал некролог 10 лет тому назад. Я знаю, что имя было Михаил, и повторяю, один раз он был вместе с Жаковым у меня в кабинете.

[...]

Токарев: Протокол внимательно слушал. Подтверждаю, что записано все правильно, за исключением некоторых моментов, имеющих, наверно, второстепенное значение. Вспомнил, например, фамилию режиссера фильма. Это был Ромм. Михаил Ромм. Кажется, Михаил Михайлович, отчество точно не помню. И Ромма как режиссера ценили высоко — он спас жизнь своему брату.

Некий Михаил Александрович Ромм, действительно, поминается в опубликованных теперь документах как польский военнопленный — это подробность достоверная, однако же Токарев запомнил, что фильм «Тринадцать» появился раньше воссоединения Украины и Белоруссии с их отторгнутыми частями, временно оккупированными Польшей, т.е. автор данного фильма, Михаил Ильич Ромм, не мог быть польским гражданином, да и в кабинете Токарева в Калинин делал ему было совершенно нечего. К тому же и фильм «Сорок первый» (1956) снял Г. Чухрай.

Подводя итог краткому рассмотрению допроса Токарева, отметим, что это явная и наглая фальсификация. Никакого постановления Политбюро о расстреле поляков не было, это фальшивка, никакого расстрела в Калинин не было, это бредовые вымыслы душевнобольного пожилого человека, но вот указанное Токаревым в бредовом состоянии захоронение «поляков» в Медном нашли, как это ни поразительно, причем нашли даже некоторые «вещественные доказательства», например, если верить лживой британской ВВС, изображенную на снимке польскую фуражку, которая отлично сохранилась за полвека

пробытия в земле. «Расстрелянные» поляки в Медном — это откровенная и, главное, тупая фальсификация доказательств. Насчет же фуражки и прочих музейных вещей «жертв», выставяемых кровососами на обозрение, следует спросить у них, ведь поляков кто-то допустил к участию в эксгумации неизвестного захоронения, тем самым открыв им возможность фальсифицировать доказательства. Эти доказательства сфальсифицировали они — совместно, разумеется, с канцелярскими.

Для завершения данной части следует добавить несколько слов о фальсификаторах. Под подозрение в фальсификации «пакета № 1» попадают все четверо лиц, связанных с его второй «находкой», осенью 1992 года,— Д.А. Волкогонов, Р.Г. Пихоя, А.В. Коротков и Ю.В. Петров. Наибольшее подозрение вызывают Волкогонов с Пихоей, так как в октябре 1991 года вошли в комиссию по «рассекречиванию» архивов, Волкогонов председателем, а Пихоя его заместителем (насчет Короткова у меня данных нет, а Петров едва ли в нее входил). Первое заседание комиссии состоялось 13 декабря 1991 г., незадолго до появления в аппарате Горбачева фальшивок, датированных на конверте, который сохранился, 24 декабря 1991 г. И даже от первого заседания комиссии до 24 декабря времени было вполне достаточно, чтобы изготовить беспечному как ребенок Михаилу Сергеевичу подарок на прощанье.

Мотивом любого из указанных лиц могли быть как бредовые идеи, так и деньги: поляки бы заплатили за столь полезную для Польши фальсификацию любую сумму, так как вложение все равно окупится и принесет огромную прибыль. Желательно бы было установить негодяя следственным путем, официально, что будет нетрудно, а также опубликовать наконец для всеобщего сведения «секретное» дело № 159, фальсифицированное продажными канцелярскими крысами из ГВП.

Что же касается срока давности преступления, который канцелярские явно мнят истекшим (они туповаты, как вы видели), то нынешний кодекс дает следующую формулировку: «Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом», *статья 29*.— Увы канцелярским и шизофренику, живому или мертвому, их деяния еще отнюдь не имеют всех признаков состава преступления: Россия еще не понесла материальные убытки, еще не выплатила полякам контрибуцию по суду на основе фальсифицированных документов и фальсифицированного уголовного дела. Подумайте, если вас обворовали, но вы еще не понесли убытка, то имеет ли совершенное против вас преступление все его признаки? Мне кажется, если вы даже не знаете еще, что вас обворовали, то совершенное против вас преступление основных своих признаков отнюдь не содержит. Стало быть, срок давности по разобранным в данной главе преступлениям будет исчисляться только после суда, который присудит России выплатить пострадавшим полякам и Польше компенсацию, например, в несколько миллиардов евро. С этим согласен советский УК, который срок давности по расстрельным статьям, в частности по ст. 64 «Измена Родине», оставляет на усмотрение суда. А ведь судить негодяев нужно по советским законам. Так что все впереди.

3. Положение поляков в лагерях и их судьба

Если не считать разобранный выше фальсификацию документов неким дегенератом, то вывод о расстреле польских военнослужащих сделан был на основании бредовых идей и бредовых же домыслов — разумеется, раньше публикации фальшивок, так как в бреду с вымыслами затруднений не бывает. Нет ни единого документа, которой бы свидетельствовал...— [Читать дальше](#)

<https://web.archive.org/web/20140627070543/http://www.dm-dobrov.ru/history/katyn/katyn-2.html>